

КОНСТАНТИН РЕХТИН

Родился в 1963 году в Барнауле. Живёт в Таре. Окончил Алтайский государственный институт культуры по специальности «Режиссура театра» и ассистентуру в Ленинградском государственном институте театра, музыки и кинематографии имени Н.К. Черкасова по специальности «Режиссура и актёрское мастерство». Главный режиссёр Северного драматического театра имени М.А. Ульянова со дня его основания, Заслуженный деятель культуры Омской области, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ В.В. Путине (2012–2018), член жюри фестиваля «Золотая Маска» (2019). В литературно-краеведческом альманахе «Таряне» публикуется впервые.

ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ С МИХАИЛОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ УЛЬЯНОВЫМ...

О встречах с Михаилом Александровичем Ульяновым уже есть моя статья в альманахе «Тобольск и вся Сибирь», в томе 16-м, посвящённом Таре, которая называется «Уроки Ульянова». Но я хотел бы вспомнить о встрече в Москве в сентябре 2006 года, которая очень запала в душу.

Стоит, думаю, рассказать и о нашем последнем телефонном разговоре, когда я поздравлял его с днём рождения, и о минутах прощания.

Последняя личная встреча состоялась, когда мы возвращались из Вышнего Волочка с V Фестиваля театров малых городов России. Это был сентябрь 2006 года. Я, как обычно, заранее по телефону предупредил Михаила Александровича, что мы окажемся в Москве, сообщил, что мы получили один из главных призов фестиваля за спектакль «Сказка для Вани-жениха» («Лучший актёрский ансамбль»).

Михаил Александрович в то время очень болел, но нашёл в себе силы, пошутил по этому поводу: «О, да вы у нас, оказывается, оскароносные!» Объяснил, что они с супругой поехали отдыхать в санаторий

для деятелей культуры и искусства в Вологодскую область и прямо оттуда на вертолёте его доставили в Москву на операционный стол. Что он только после операции, однако найдёт возможность встретиться с нами, но не со всей труппой, как обычно. Обещал прислать машину на вокзал.

Мы приехали в Москву. На встречу с Михаилом Александровичем со мной поехали моя супруга Екатерина, Вячеслав Щенин, что было справедливо (он на тот момент был ведущим актёром труппы), и наш заведующий звуковым цехом Александр Шиковец, так как хотелось оставить памятные записи после встречи. К огромному сожалению, до настоящего времени они не сохранились. Вообще, для этой встречи был важный повод: передача картины «Спасский собор» Николая Кальницкого в подарок Михаилу Александровичу. Ранее, когда мы встречались с Ульяновым всей труппой, я обратил внимание на то, что в его кабинете есть картина омского художника, на которой изображён Омский государственный академический театр драмы. Михаил Александрович тогда посетовал, что в последнее время очень сильно скучает по Таре. Я это запомнил, и мы привезли одну из лучших картин нашего тарского живописца Николая Кальницкого, которую он передал в дар Михаилу Александровичу.

У перрона нас встретила служебная машина театра имени Евгения Вахтангова. Надо сказать, что он всегда ждал нас, заботился о транспорте с вокзала до театра. Ехали мы очень долго, хотя Ленинградский и Ярославский вокзалы, как и сам театр, находятся в центре. Но был час пик! Мы добирались около часа, а до поезда оставалось очень мало времени. Когда приехали, Михаил Александрович воскликнул: «Зачем же я это затеял! Я ведь знаю, что в это время проехать по Москве невозможно! Быстрее было бы поехать на метро».

Он встретил нас в фойе театра, извинился, что не сможет подняться с нами в кабинет, на это уже не было сил. Расположились в нашем любимом театральном буфете. Мы

часто заходили туда, когда бывали у вахтанговцев в гостях, общались в непринуждённой обстановке, нас прекрасно принимали. На тот момент хозяином этого буфета был Максим Суханов, известный артист театра и кино. Михаил Александрович всегда говорил: «Максим, вот приехал театр из моего родного города, нужно покормить...»

Сейчас вспомнилось: когда мы были в очередной раз в Керчи на фестивале «Боспорские агонии», я встретился там с Василием Семёновичем Лановым. Подошёл, представился, а Василий Семёнович воскликнул: «А, вы из Мишкиного театра!» Так нас воспринимают вахтанговцы.

Мы прошли в буфет, подарили Михаилу Александровичу картину, он поделился с нами новостями, которые, надо сказать, были невесёлыми. «Вот! – сказал он, похлопав себя по нагрудному карману пиджака. – Вот здесь лежит заявление об уходе. Сейчас я с вами поговорю, и будет сбор труппы, на который приедет министр культуры Михаил Ефимович Швыдкой, и я должен буду сообщить о том, что ухожу. Здоровья совсем нет, сил тоже». Театру в то время было нелегко, как, собственно, и всей стране.

Ульянову очень понравилась картина Николая. Он пристально разглядывал собор, который помнил ещё с детства. Потом вдруг сказал: «Ваша просьба, Константин Викторович, о приезде театра Вахтангова в Тару будет удовлетворена». Я поблагодарил, на что он сказал: «Подождите благодарить. Я вам говорил о том, что сделать это будет очень трудно». А если Михаил Александрович говорил, что будет трудно, то это означало, что, действительно, трудно. Он сообщил о том, что недавно заключён договор о Больших весенних гастролях вахтанговского театра на сцене омской драмы. В рамках этих гастролей молодые артисты-вахтанговцы приедут в Тару и организуют творческий вечер. Это случилось, но Михаила Александровича уже с нами не было...

Молодые артисты, многие из которых сейчас уже звёзды, приехали в Тару с театральным концертом и привезли бесценные

экспонаты для нашего музея: трость из «Ворошиловского стрелка», костюм генерала Горлова из спектакля «Фронт», достаточно много ценных вещей, так или иначе принадлежавших великому артисту.

Во время той встречи Михаил Александрович расспросил о наших планах, что его действительно волновало, хотя я видел, как в этот момент он настраивается на важнейший разговор в его жизни. Ведь театр – это вся его жизнь! Ему не хотелось уходить...

Он попросил нас выйти с ним на улицу, прогуляться возле театра, проводил нас до ближайшей станции метро. Вспомнил, как в молодости они, тогдашние студенты, начинающие артисты, часто прибегали в метро прямо перед закрытием: за ними мгновенно закрывалась дверь. Рассказывая об этом, Михаил Александрович задумчиво улыбался, и казалось, что он помолодел на много лет.

Мы шли, и я понимал, что нужно что-то сказать, как-то поддержать его. «Михаил Александрович, как хорошо, что вы уходите. Вам необходим отдых! Вы, конечно же, будете с театром, а театр будет с вами. Но у вас не будет этого страшного груза ответственности, который лежит на вас», – сказал я. Михаил Александрович задумчиво кивнул. Но, как я узнал позже, его не отпустили. Труппа не смогла принять его решение об уходе. И он остался. И ушёл навсегда в должности художественного руководителя театра имени Евгения Вахтангова.

Тогда я видел его живым в последний раз...

Он нашёл в себе силы говорить о будущем: будущем своего и нашего театров, делился планами, предполагал, кто бы мог возглавить театр после его ухода, считая, что это должен быть талантливый режиссёр с именем. Помню, тогда прозвучало имя Валерия Владимировича Фокина. Через несколько лет я лично познакомился с Валерием Владимировичем в Совете по культуре и искусству при Президенте РФ, рассказал об этой встрече с Михаилом Александровичем, мы долго обо всём беседовали. В то время, когда я виделся с Ульяновым, Валерия

в Москве не было. Его творческая жизнь складывалась так, что на какое-то время он обосновался в Петербурге. Художественным руководителем театра Вахтангова был назначен Римас Туминас, и началась очень важная веха в истории театра во главе Римасом Владимировичем.

С Михаилом Александровичем мы расстались в приподнятом настроении. В эту встречу он был особенно внимателен к нам, возможно, помня о том, что когда-то не поверил в то, что на его родине может родиться и жить профессиональный театр.

20 ноября, в его день рождения, у нас в Сибири выпал снег. Не просто снег, а много снега! Я собирался с мыслями, чтобы поздравить Михаила Александровича. В этот день по каналу «Культура» шёл спектакль «Варшавская мелодия», я набрал номер, трубку взяла его супруга Алла Петровна, которая всегда, несмотря ни на что (в последнее время она тоже чувствовала себя неважно), была искренне рада общению. Она пригласила Михаила Александровича к телефону. Я поздравил его с днём рождения, сообщив о том, что мы были на могиле у Елизаветы Михайловны, его мамы, сделали уборку. «Какой вы счастливый человек, Михаил Александрович, – сказал я. – Я сейчас смотрю ”Варшавскую мелодию“ и понимаю, что вы принимали участие в важнейших для истории нашей страны делах – налаживали мосты между государствами».

Я вспомнил, что в столице, в отличие от Сибири, нет снега (накануне я был в Москве). И я пожелал Михаилу Александровичу, чтобы в Москве выпал настоящий снег, и он почувствовал бы себя в родной Таре. На что он ответил: «А вы знаете, я ведь уже давным-давно москвич... Я воспринимаю эту погоду естественно. Но за такое пожелание спасибо! Потому что связь с родиной для меня была, есть и будет очень важной».

Прощание с Михаилом Александровичем случилось при каких-то действительно мистических обстоятельствах. Михаил Александрович вообще не любил никакой мистики и никогда об этом не говорил, но

однажды он рассказал одну историю из своего детства. Это история о разрушенных храмах в его родной Таре, которые он видел, среди которых рос. Он рассказывал, как красив был город, если смотреть на него снизу вверх, чтобы были видны купола храмов, как детьми он с друзьями бегал по развалинам одного из них (к сожалению, Михаил Александрович не упомянул, о каком именно храме идёт речь, но, как я понял, это место примерно в районе КДЦ «Север»). И место любования Тарой снизу вверх – как раз там, если немного спуститься вниз под гору. Так вот, бегая по разрушенному храму, он решил пройти по железной балке, оставшейся после взрыва. Ребята, балансируя, без страха проходили по ней, и он тоже решил показать свою смелость. «Я помню, что стал терять сознание и как-то ухватился за балку, – рассказывал Михаил Александрович. – Как я выбрался и почему не разбился тогда, я не знаю».

Он сожалел, что волею судеб, по службе своей его отец был причастен к уничтожению тарских храмов.

Тогда я ответил, что этой трагедии не могло произойти, потому что маленькому Мише Ульянову были предначертаны великие дела, и на его родине, благодаря ему, возник театр.

Так получилось, что мы поехали в Москву небольшой делегацией от нашего театра на фестиваль «Золотая Маска», в рамках которого проходила выставка «PRO-театр», где мы должны были принять участие. Только двум театрам Омской области была оказана честь выставиться в московском манеже на небольшой площади и представить свой театр. Мы выехали из Тары 27 марта, доехали до Большеречья, и мне позвонила наш тарский терапевт, мой друг, Светлана Иосифовна Кучер, на тот момент она была заведующей кардиологическим отделением, и сообщила, что только что пришло известие о смерти Михаила Александровича Ульянова.

А накануне вечером, 26 марта, я допоздна готовился к поездке в Москву и почему-то решил заполнить новую записную

книжку. Я дошёл до буквы «У», всё аккуратно переписал чёрными чернилами: адрес, телефон Михаила Александровича, и вдруг подумал: «Как долго смогу я звонить по этому телефону?» Подумал и содрогнулся от своей мысли.

Забегая вперёд, скажу, что до сих пор звоню по этому номеру. Но уже его дочери, Елене Михайловне. И очень рад этому!

Я не знал, что Михаил Александрович был в тяжёлом состоянии и находился в больнице. Думал, что состояние его стабильное.

Нам позвонили в Большеречье с просьбой выйти на связь с Москвой, где была создана комиссия по прощанию с Ульяновым. Каким-то образом Павел Юрьевич Исаев, тогда глава Тарского муниципального района, нашёл нас и сказал, чтобы мы передали в Москве, куда мы приедем, очевидно, раньше, чем из Омска собирается делегация во главе с заместителем губернатора Омской области Александром Михайловичем Лупповым. Потрясённый известием, я озвучил коллегам свою мысль о том, что мы едем сейчас не только на выставку, но и на прощание с великим артистом. В поезде я всё время об этом думал. Впервые я хотел сделать Михаилу Александровичу сюрприз, сообщить ему о том, что мы едем в Москву, уже в конце нашего пути. Я думал о том, что он всегда, когда мы прибывали в столицу по творческим делам, придумывал всё так, чтобы нам было удобно, чтобы мы жили в хорошей гостинице, чтобы вовремя началась монтировка спектакля, он помогал нам абсолютно во всём. И вот сейчас он как будто всё устроил. Вроде бы никакой мистики, но невольно думалось об этом: мы, собираясь на выставку, приехали и на прощание с Михаилом Александровичем.

В Москве, поселившись в гостинице, я и Татьяна Алексеевна Макаренко, директор театра, сразу пошли за цветами, а после — на Арбат, к театру. У служебного входа нас окликнул Павел Юрьевич Исаев и сообщил о том, что Леонид Константинович Полежаев, губернатор Омской области, утром

текущего дня принял решение о том, что наш театр будет носить имя М. А. Ульянова. Я был настроен на церемонию прощания и в тот момент, честно говоря, не совсем понимал, о чём речь. Понимал, что это очень важно для нас, но ещё не совсем отдавал себе отчёт во всём происходящем и услышанном и не мог оценить значения принятого решения. Нас пропустили вперёд, и мы нашей омской делегацией поднялись на сцену для прощания. Случилось так, что, попрощавшись, все прошли вперёд, а я оказался один на один с Михаилом Александровичем. Впрочем, так зачастую и проходили наши беседы с ним — один на один.

После прощания мы поехали на Новодевичье кладбище. Народу было очень много, не передать словами. Я увидел уже пожилого Юрия Васильевича Яковлева, который во время прощания перекрестился, низко поклонился, с грустной улыбкой произнёс: «Сейчас по слову скажем и рядом ляжем».

На кладбище мы оказались далеко от могилы и вдруг услышали: «Где омичи? Пропустите сюда омичей!» Мы с трудом прошли сквозь многочисленную толпу к могиле, нам сказали, что мы первые должны бросить землю, которая была привезена из Тары. Это, думаю, всем известный ритуал. Нам была оказана честь первыми совершить его и попрощаться с Михаилом Александровичем Ульяновым.

После мы поехали на поминальный обед, на котором присутствовали все вахтанговцы. Настроение было у всех, мягко говоря, удручённое: только что проводили в последний путь родного человека, и потому, как мне сказал Евгений Князев, ректор театрального училища имени Бориса Шукина, никто не знал, какое будущее ожидает театр. Время было для всех нелёгкое. Произносились прощальные речи, мне тоже предоставили слово.

Это была последняя встреча с Михаилом Александровичем.

Михаил Александрович внимательно и ревностно следил за жизнью нашего театра. Помню, как после нашего спектакля

в Москве «Сказка для Вани-жениха» я провожал его до подъезда и он сказал: «Вы не представляете, как я волновался!» Я тогда подумал, ну что ему волноваться? Причина? А Михаил Александрович продолжил, как будто прочитав мои мысли: «Для меня это был словно экзамен». И тут я понял, что наш театр – это театр на его родине, театр, именующий себя профессиональным, а к этому понятию очень высокие требования. Конечно, он волновался!

Спустя время, когда я увидел на фасаде Северного драматического театра имя Михаила Александровича Ульянова, я испытал чувство гордости и огромной ответственности. И чувство защищённости, которое до сих пор не покидает меня.

Решение о присвоении имени великого артиста имеет огромное значение для всего нашего театра. Мы стараемся достойно нести его, быть действительно ульяновским театром, быть искренними, органичными во всём, чем бы мы ни занимались. Именно таким был Михаил Александрович, что и сделало его великим. Его энергетика и искренность подкупали, как и честность в искусстве; он никогда не был категоричен, несмотря на то, что в разговоре мог быть достаточно жёстким. Содержанием его мысли была диалектика, он всегда оставлял «воздух» для размышления. Это природная, народная от корней мудрость, к которой стоит стремиться!

К сожалению, сейчас я осознаю, что имя Ульянова всё реже звучит на телевидении, радио. Молодое поколение в большинстве своём вообще не знает о нём, редко кто смотрел фильмы с его участием, не говоря уже о спектаклях. В лучшем случае кто-то что-то слышал. Я всё более и более утверждаюсь в мысли: имя Михаила Александровича Ульянова дано нашему театру для того, чтобы мы сохранили память о нём, делая эту память живой!